

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волгин Е.И. Проблема деполитизации российской армии в условиях кризиса 1990-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69413 EDN: JKCZIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69413

Проблема деполитизации российской армии в условиях кризиса 1990-х гг.

Волгин Евгений Игоревич

ORCID: 0000-0002-9690-448X

кандидат политических наук

доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский пр-Т, 27/4, оф. 415

✉ plytony@yandex.ru

[Статья из рубрики "Эволюции, реформы, революции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69413

EDN:

JKCZIY

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2023

Аннотация: Объектом исследования выступает политика российских властей, направленная на нивелирование протестной активности в Вооруженных Силах в условиях затянувшегося кризиса 1990-х. После падения однопартийного диктатора, подчинявшего силовые структуры, российское законодательство предусматривало жесткую модель департизации и деполитизации Вооруженных Сил. Однако в постсоветские годы эта стратегия утратила актуальность как ввиду слабости самих партий, так и аполитичности офицерского корпуса, уставшего от многолетнего давления политорганов (КПСС). Проблема заключалась в другом: огромная «советско-российская» армия, будучи рудиментом прежней системы, не вписывалась в парадигму новой государственности, а потому подлежала радикальному и болезненному реформированию, которое грозило поставить Вооруженные Силы на грань катастрофы. Для тысяч кадровых военных и членов их семей наиболее острой стала элементарная проблема выживания. В качестве основных методов исследования используются

исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Во второй половине 1990-х гг. на фоне хронического недофинансирования в армии участились случаи стихийного протеста. Эти акции носили ненасильственный, спонтанный и разрозненный характер, а потому не представляли серьезной угрозы для власти. В числе основных факторов, сдерживавших открытый мятеж, можно назвать отсутствие всеармейского протестного координационного центра, недостаток самостоятельного политического мышления у старшего офицерского состава, отсутствие конструктивной программы. Сюда же можно отнести армейскую дисциплину, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения и подавления отдельных очагов протеста. При этом власть, понимая, что, обрекая своих военных на нищенское существование, сама действует за рамками правового поля, старалась разрешать возникавшие конфликты осторожно, стараясь не прибегать к жестким мерам. Вопрос о том, как долго мог сохраняться этот хрупкий баланс, остается открытым. На исходе 1990-х гг. наметились слабые признаки возрождения армии. Одними из первых эти тенденции уловили военные: измученные «пятилетками» либеральных реформ, после всех соблазнов, которые предлагали им оппозиционные партии, они вновь обрели веру в государство. Научная новизна работы заключается в применении междисциплинарного подхода к изучению комплексной проблемы, связанной с перестройкой российской армии в годы нестабильной внутривластной нестабильности.

Ключевые слова:

Вооруженные силы, деполитизация, закон, политические партии, военнослужащие, офицерское собрание, Ельцин, Грачев, Рохлин, Путин

Введение

Становление российской государственности в 1990-е гг. сопровождалось глубоким трансформационным кризисом, связанным с ликвидацией прежней сверхмилитаризованной системы. Россия унаследовала около 80 % военного потенциала СССР и только 60 % экономики прежнего государства. Чтобы отвечать современным требованиям и вписаться в новую экономическую парадигму, российским Вооруженным силам (далее — ВС) требовалась оптимизация и модернизация (в период с 1992 по 1999 гг. армия сократилась с 2,8 млн до 1,2 млн чел.). Однако к трудностям переходного периода добавились проблемы, связанные с плачевным состоянием российской экономики, что вылилось в катастрофическое недофинансирование армии, которая превратилась в одну из острейших социальных проблем [\[1, с. 9, 45, 61, 67\]](#). Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основании комплексного использования различных источников рассмотреть проблему деполитизации Вооруженных сил, пребывавших в крайне тяжелом положении, что в условиях перманентного кризиса 1990-х гг. грозило серьезными вызовами российской государственности. В качестве методов исследования используются исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы.

Деполитизация российской армии: политико-правые аспекты

Основные нормативно-правовые акты РФ, ограничивавшие политические права военнослужащих и запрещавшие политическим объединениям вести работу в армии, были приняты в годы «августовской республики» (1991–1993). 22 августа 1991 г., на следующий день после провала путча, Б. Н. Ельцин, ранее возложивший на себя

полномочия командующего Вооруженными силами СССР на территории России, подписал указ «О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР» [2, с. 112] (Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. «О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР» // Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/131>, дата обращения: 15.08.2022). 24 августа, М. С. Горбачев, вернувшись к исполнению президентских обязанностей, подписал аналогичный указ (Указ Президента СССР от 24 августа 1991 г. УП-2462 «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР и правоохранительных органах и государственном аппарате» // Ведомости СССР. 1991. № 35. Ст. 1026). Позже Президент СССР подтвердил решение Президента России об упразднении военно-политических органов в армии, МВД и КГБ СССР (Указ Президента СССР от 29 августа 1991 «Об упразднении военно-политических органов в Вооруженных силах СССР, войсках Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войсках» // Ведомости СССР. 1991. № 36. Ст. 1061). Однако указы союзного Президента отныне лишь оформляли политическую волю российского лидера, при этом сам Горбачев стремительно терял остатки своего авторитета среди военных, которые после подписания Беловежских соглашений так и не вняли просьбам Верховного главнокомандующего оказать содействие в деле сохранения Союза ССР [3, с. 415-416]. 7 мая 1992 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ «О создании Вооруженных Сил РФ», где провозгласил себя Верховным Главнокомандующим, а также декларировалась подконтрольность военных структур высшим органам государственной власти, а не партийным инстанциям (Указ Президента РФ от 7 мая 1992 г. «О создании Вооруженных Сил РФ» // Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1279>, дата обращения: 16.08.2022). 18 мая 1992 г. Президент, до того исполнявший обязанности министра обороны, назначил на эту должность генерал-лейтенанта П.С. Грачева (Указ Президента РФ от 18 мая 1992 г. «О министре обороны РФ» // Гарант [электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/6314847/>, дата обращения: 16.08.2022). Новый министр заявил о готовности неукоснительно проводить курс на дальнейшую деполитизацию армии [4, с. 12-19]. Одновременно российский законодатель, понимая, что страна вступает в зону политической турбулентности, старался максимально оградить военнослужащих от влияния партийно-политических институций.

Так, Закон РФ от 24 сентября 1992 г. «Об обороне» запрещал создание и деятельность общественных объединений, преследующих политических цели, в Вооруженных силах. Не допускалось ведение любой политической (в т. ч. предвыборной) агитации на территории воинских частей (Закон РФ от 24 сентября 1992 г. «Об обороне». В ред. указа Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2288 // Контур Норматив [электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5538>, дата обращения: 16.08.2022). 22 января 1993 г. был принят Закон РФ «О статусе военнослужащих», разрешавший военным состоять в общественных объединениях, не преследующих политических целей и участвовать в их деятельности только во внеслужебное время (Закон РФ № 4338-I от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих» // Ведомости РФ. 1993. № 6. Ст. 188). Особо оговаривалось отсутствие у военных права на забастовку. Таким образом, для Вооруженных Сил РФ предусматривалась наиболее жесткая модель институциональной и кадровой департизации. Такой подход не противоречил нормам международного права и был характерен для армий ряда государств, в том числе бывших соцстран. Однако, если

право военнослужащих на объединение было существенно урезано, то свои избирательные права (как и в советские годы) «люди в погонах» могли осуществлять в полном объеме и без каких-либо ограничений.

«Люди в погонах»: ресурс оппозиции или армия аполитичных?

Упразднение военно-политических органов в ВС привело к возникновению определенного идеологического вакуума, который в условиях политической нестабильности стремились заполнить новоявленные партии и движения. В наибольшей степени это было характерно для структур «непримиримой оппозиции», а также националистических объединений. Однако данные, показывающие глубину проникновения тех или иных политических институций в армейскую среду, практически отсутствуют (по крайней мере — в открытых источниках). С другой стороны, сами партийцы были склонны гиперболизировать степень влияния своих объединений в армейской среде. После разгрома «непримиримой оппозиции» в октябре 1993 г. деятельность некоторых партий и движений, в наибольшей степени пытавшихся заигрывать с военными (РКПР, ФНС, РНЕ), была приостановлена, а их лидеры — арестованы. Оппозиционные партии, возникшие или укрепившиеся после 1993 г. (КПРФ, ЛДПР и др.) так или иначе взаимодействовали с армейскими структурами, особенно во время избирательных кампаний. Однако, являясь представителями «системной оппозиции», эти объединения старались действовать в рамках закона.

Данные социологических исследований свидетельствовали об известном недоверии военных к разного рода партийно-политическим деятелям и их программам. Опрос 1992 г. показал — около 50 % солдат и офицеров не доверяли партийным лидерам [\[5, с. 65\]](#). Согласно соцопросу, проведенному в 1994 г. Фондом им. Ф. Эберта (ФРГ) среди более 600 генералов и старших офицеров, лидеры оппозиции (Г. А. Зюганов и В. В. Жириновский) не вызывали у военных особого воодушевления (Эггерт К. *Армия за сильную власть* // *Известия*. 1994. 22 октября). Другой опрос, проводившийся с декабря 1992 по март 1993 г. среди генералов, офицеров, прапорщиков, военнослужащих срочной и контрактной службы, а также слушателей высших военно-учебных заведений, продемонстрировал, что даже среди курсантов как наиболее политизированной части военного электората лишь 12 % выражали приверженность партиям и движениям (Скоробогатько Т. *Если завтра война...* // *Московские новости*. 1994. 9–16 января).

В первом полугодии 1994 г. военные социологи вновь опросили личный состав подразделений армии и флота и убедились, что практически все категории военнослужащих являются политически индифферентными. Программы конкретных партий разделяли не более 7-8 % респондентов (*Армия глазами армии* // *Московские новости*. 1994. 4–11 сентября). С другой стороны, не стоит думать, будто партийные лидеры вовсе не котировались среди военнослужащих, иначе после 1993 г. высшее командование не устраивало бы в частях и соединениях аврал перед очередными выборами [\[6, с. 705-720\]](#). Но протестное голосование «людей в погонах» в первые постсоветские годы было вызвано не столько идеологическими соображениями, сколько попыткой обратить внимание высшего руководства страны на катастрофическое состояние ВС.

Всеармейское офицерское собрание: армия выходит из-под контроля?

После падения коммунизма на волне сплошной демократизации в частях и соединениях стали стихийно возникать офицерские собрания. Известный демократизм эти структур подчеркивало то обстоятельство, что председателем собрания мог стать любой офицер, а

не обязательно командир. Но по мере ухудшения положения военнослужащих офицерские собрания стали превращаться в политизированные клубы (*Цыгичко В. Какая армия нам нужна? // Независимая газета. 1994. 13 апреля*). Апофеозом стихийной демократизации ВС стало проведение 17 января 1992 г. в Кремлевском Дворце Съездов Всеармейского офицерского собрания, на котором присутствовали 5 тыс. делегатов, избранных от офицерских собраний всех видов и родов войск. Офицеры, «топотом и свистом» встретив выступление Б. Н. Ельцина, заклеили «сговор трех президентов», требуя восстановить Советский Союз с едиными вооруженными силами [\[1, с. 20-21\]](#). Казалось, будто на политической авансцене появляется мощная сила, способная изменить ход истории. Однако Ельцин сумел переломить ситуацию. Призвав офицеров сохранять гражданское спокойствие, Президент заявил, что Россия «будет стоять насмерть за единые вооруженные силы» (тогда еще была сильна иллюзия, что СНГ сможет сохранить единую армию под объединенным командованием). Верховный главнокомандующий также пообещал решить социальные проблемы офицеров и членов их семей.

В итоге участники Собрания приняли достаточно умеренное заявление с призывом к военнослужащим, оказавшимся в рядах своих национальных армий, «не поддаваться на провокации», а также «сохранять верность военной присяге до решения всех вопросов законным путем». Одновременно военные подчеркнули, что не стремятся вмешиваться в политику и решать вопрос о власти в независимых государствах (*Россия сегодня. Политический портрет в документах: Вып. 2. 1991–1992. Ответ. ред. Коваль Б.И. М., 1993. С. 87-88*). Таким образом, удовлетворившись обещаниями российского лидера, офицерский корпус отказался участвовать в «большой политике» на постсоветском пространстве. Тем не менее, для руководства РФ столь массовое мероприятие военных стало сигналом о необходимости обеспечить жесткий контроль Москвы над огромной частью Советской Армии, доставшейся России [\[1, с. 20-21\]](#). Неудивительно, что впоследствии роль офицерских собраний была нивелирована и подчинена командованию.

Проблема сохранения лояльности Вооруженных сил в условиях политического кризиса 1993 г.

Настоящим «моментом истины» для российской армии стали события 3–4 октября 1993 г. Именно вмешательство военных сумело переломить ситуацию в пользу Президента. В то же время, победа Б. Н. Ельцина отнюдь не была гарантирована, ибо чаша весов в любой момент могла качнуться в другую сторону. Так, коллегия Минобороны, собравшаяся в ночь с 3 на 4 октября 1993 г., колебалась относительно возможности использования армии в известном «конституционном споре». Колонны бронетехники, крайне неспешно выдвинувшиеся из мест постоянной дислокации в столицу, «притормозили» у МКАД [\[2, с. 212\]](#). Военные, помня август 1991 г., пытались выиграть время в надежде, что политики как-то договорятся. И только личное появление Ельцина на том ночном заседании Коллегии МО на Знаменке стало для генералов последним аргументом [\[7, с. 203\]](#). Впоследствии Президент признавал, что армейское командование проявило в те дни медлительность и у него до последнего момента не было уверенности в высшем генералитете (*Жириновский – верховный главнокомандующий? // Новая ежедневная газета 1994. 12 января*).

И хотя Борису Ельцину удалось сохранить контроль над Вооруженными силами, президентская сторона хорошо усвоила «уроки октября-93». Дабы избежать любых колебаний в войсках случае очередного обострения ситуации, президентским

окружением были предприняты соответствующие меры. Так, в ближнем Подмосковье были созданы кольца из элитных подразделений, командование которыми осуществлялось генералами, прошедшими личное собеседование у главы Службы безопасности Президента РФ А. В. Коржакова на предмет лояльности Главковерху (*Коротченко И. Доверяет ли армия президенту? // Независимая газета. 1995. 21 июня*). Одновременно перед ФСБ была поставлена задача по изучению политических настроений офицеров центрального аппарата Минобороны и приобретения там надежных источников информации (*Коротченко И. Надежный контроль // Независимая газета. 1995. 18 апреля; Коротченко И. Силовые ведомства и политика // Независимая газета. 1995. 22 декабря*). Ситуацию в войсках специально отслеживало Управление военной контрразведки ФСБ, с которой, по некоторым данным, на негласной основе сотрудничали свыше 50 тыс. военных всех должностных категорий (хотя сама численность этой службы не превышала 6 тыс. чел.). Таким образом, агентура УВКР ФСБ насквозь пронизывала Вооруженные силы (*Коротченко И. Отставка Ельцина – стратегическая цель движения Рохлина // Независимая газета. 1997. 23 сентября*). Все эти шаги свидетельствовали о том, что Президент больше не желал вверять свою судьбу генералам.

ГЛАВПУР умер... Да здравствует ГУВР!

После провала августовского путча первостепенной задачей высшего армейского командования стала скорейшая реализация указов «двух президентов» о департизации ВС. В Минобороны СССР была создана специальная комиссия по упразднению военно-политических органов во главе бывшим замначальника Главного политуправления Советской армии, генерал-полковником Д. А. Волкогоновым [\[8, с. 127; 10, с. 283-286\]](#). Помимо структур КПСС, упразднению подлежало Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил СССР [\[9, с. 93\]](#), вместо которого учреждался Комитет Минобороны СССР по работе с личным составом [\[10, с. 54\]](#). В связи с департизацией около 300 генералов-политработников подлежали досрочному увольнению из армии [\[5, с. 67\]](#). В соответствии с приказом министра обороны СССР в частях и соединениях с 1 ноября 1991 г. вводилась должность помощника командира по работе с личным составом. Тогда все вышеназванные мероприятия, связанные с деполитизацией и департизацией ВС, нашли полную поддержку и понимание в армии (*Приказ Министра обороны СССР от 22 октября 1991 г. «О новых структурах по работе с личным составом в звене рота – батальон – полк – бригада» // Система ГАРАНТ [электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70749710/paragraph/7:0>, дата обращения: 22.08.2022, ограниченный доступ*).

В то же время, с ликвидацией политработников морально-политическая обстановка в армии резко ухудшилась, а неуставные отношения приобрели наиболее безобразный характер [\[11, с. 155\]](#). Система подготовки кадров для воспитательных армейских структур оказалась дезорганизованной [\[12\]](#). В 1994 г. появилось Главное управление воспитательной работы (ГУВР), которое возглавил генерал-лейтенант С. М. Здориков [\[10, с. 54\]](#), (*Черкасов А. Синдром политорганов // Независимая газета. 1996. 28 ноября*). Новая структура радикально отличалась от предыдущего политуправления как численно (состав ГУВР не превышал двух сотен сотрудников, тогда как ГЛАВПУР насчитывал 564 чел.), так и функционально. «Мы занимается не промыванием мозгов, а... формируем у людей в военной форме уверенность в том, что дело, которому они служат, необходимо России», — заявил Здориков (*Блоцкий О. Генерал-лейтенант Сергей Здориков: «Я буду голосовать за Ельцина»...» // Независимая газета. 1996. 25 апреля*). Его заместитель, генерал-майор А. Черкасов, в свою очередь, с сожалением отмечал, что та неприязнь и

подозрительность, которые имели место в советской армии по отношению к политорганам, «по умолчанию» распространились и на новые структуры. Даже на бытовом уровне заместителей командиров по воспитательной работе именовали не иначе, как замполитами. Сильно раздражало руководство ГУВР то, что новому подразделению командование продолжало ставить старые задачи и при этом спрашивало, «как с политорганов, за все», а офицеры-воспитатели имели самые низкие тарифные ставки. Нередко командиры просто не знали, что делать с воспитательными органами, не умели использовать их возможности в современных условиях, а то и просто боялись их (Черкасов А. Синдром политорганов // Независимая газета. 1996. 28 ноября).

С другой стороны, нельзя сказать, будто ГУВР был абсолютно аполитичной структурой в армии. Главное управление воспитательной работы, помимо прочих обязанностей, занималось военно-политической социологией, которая в 1990-е гг. едва ли могла радовать высшее командование. Так, накануне парламентских выборов 1995 г. соцопросы показали, что наибольшей поддержкой среди военных пользуются оппозиционные объединения, а «партия власти» может претендовать лишь на пятое место (Армейские мотивы // Московские новости. 1995. 12–19 ноября). После таких прогнозов С. М. Здориков, по сообщениям СМИ, впал в ярость, а его речь состояла исключительно из «непереводимых идиоматических выражений» (Морозов В. Результаты выборов в армии, судя по всему, фальсифицированы // Новая ежедневная газета. 1995. 26 декабря).

Армия на грани социального взрыва

После переизбрания Б. Н. Ельцина, президентская кампания которого потребовала немалых затрат, ситуация с финансированием Вооруженных сил резко ухудшилась. К октябрю 1996 г. сумма задолженности по выплате денежного довольствия офицерам и зарплатам рабочим ВПК составила 25 трлн руб. В связи с финансовой катастрофой аналитики Минобороны отмечали небывалый всплеск протестной активности доведенных до отчаяния военнослужащих и членов их семей. Нередко накопившееся негодование выражалось в неисполнении офицерами своих должностных обязанностей, продаже оружия и военного имущества, перекрытии женами военных аэродромов и стратегических трасс, самовольном захвате квартир, голодовках, распространении анонимных угроз и даже в самоубийствах (в 1990-е в год «стрелялись» до 500 офицеров — почти целый батальон) (Васильцов С., Обухов С. Если за шахтерами последуют военные? // Советская Россия. 1998. 16 июля; Жилин А. Взгляд из России: войска на грани бунта // Московские новости. 1996. 8–15 сентября; Баранец Д. Армия голодных // Московские новости. 1996. 15–22 сентября). На этом фоне СМИ зачастую ретранслировали довольно тревожные перспективы: «Достаточно найти лишь одному решительному командиру, который подымет по боевой тревоге свой полк и выдвинется в Москву для проведения акции протеста против нищенского существования — и дальнейшие события приобретут непредсказуемый для нынешнего режима характер» (Коротченко И., Соловьев В. Родионов о кризисе в армии // Независимая газета. 1996. 26 октября).

Подобные предостережения на фоне крайне напряженной обстановки в войсках выглядели отнюдь не фигурой речи. Если в 1992 г. возможность применения силы военными при невыполнении властями выдвигаемых ими требований допускали лишь 10 % офицеров, то в 1995 г. эта цифра увеличилась до 18 % (Мухин В., Соловьев С. Протест служащих вооруженных сил РФ и деятелей культуры // Независимая газета. 1996. 1 октября). Осенью 1996 г. (по данным ГУВР) 25–30 % офицеров были

психологически готовы к применению силы для того, чтобы добиться получения от государства долгов по денежному содержанию [\[13, с. 32-33; 16, с. 24\]](#). С другой стороны, не следует переоценивать эти данные, ибо большинство офицеров, несмотря на все трудности и невзгоды, все-таки намеревались придерживаться законных форм для выражения недовольства. Так, основная масса кадровых военных в случае нарушения их прав в первую очередь намеревалась обращаться с жалобами к вышестоящему руководству в соответствии с действующими уставами (в 1992 — 56 %, в 1995 — 41 %). Досрочное увольнение из армии рассматривали 23-24 %. Участие в деятельности организаций, осуществляющих защиту прав военнослужащих допускали от 21 % (в 1992) до 19 % (в 1995). Протестные выступления в СМИ планировали 22-23 % (Мухин В., Соловьев С. *Протест служащих вооруженных сил РФ и деятелей культуры // Независимая газета. 1996. 1 октября*).

На 1 сентября 1997 г. общая задолженность Минобороны личному составу составила 37,4 трлн руб. В воинских частях, расположенных ближе к столице, к концу июня 1997 г. деньги были выплачены в лучшем случае за апрель — май. В отдаленных гарнизонах долги по зарплате начали выплачивать только за март 1997 г. (Корбут А. *Рохлин обратился в Президенту и военнослужащим // Независимая газета. 1997. 25 июня*). Пресса с тревогой сообщала об участившихся случаях незаконных протестных акций офицеров и членов их семей, имевших место не только в отдаленных гарнизонах, но и в столице. Так, весной 1997 г. военнослужащие полка военно-транспортной авиации в пос. Кречевицы Новгородской области, не получавшие денежного довольствия с февраля 1997 г., объявили голодовку. На некоторых военных аэродромах, в том числе там, где базировалась стратегическая авиация (в Хурбе — Дальний Восток, в Шайковке — Кировская обл., в Сольцах — Новгородская обл.) имели место попытки блокирования взлетных полос женами военных летчиков. Вышеназванные инциденты были улажены только после того, как командование (полностью или частично) удовлетворило требования протестующих (Корбут А. *Напряженность в войсках нарастает // Независимая газета. 1997. 4 июня*; Корбут А. *Рохлин обратился в Президенту и военнослужащим // Независимая газета. 1997. 25 июня*).

Крайне неприятный случай произошел в марте 1997 г. в 21-й бригаде ВДВ, дислоцированной на Ставрополье. Несколько офицеров этой воевавшей в Чечне части ввиду бедственного положения их семей отказались отбыть на учения в другой регион и выдвинули ультиматум командованию, в котором требовали в кратчайшие сроки погасить задолженность по денежным выплатам. Лишь после мощного прессинга из Москвы, а также усилий сотрудников военной контрразведки и местного управления ФСБ конфликт был погашен. «Это только начало», — заявили офицеры другой, Тульской дивизии ВДВ. Появилась информация о том, что для нейтрализации возможных выступлений воздушно-десантных войск в преддверии Всероссийской акции протеста власть планировала задействовать внутренние войска (около 250 тыс.) (Суриков А. *ВДВ в ожидании полковника Пестеля // Правда Пять. 1997. 9 апреля*; Коротченко И. *Демарш воздушных десантников // Независимая газета. 1997. 25 марта*). Был ужесточен Закон «О статусе военнослужащих», где особо оговаривалось, что участие военных в забастовках, равно как иное прекращение исполнения обязанностей военной службы как средство урегулирования спорных вопросов, не допускается (Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

Одновременно, по информации начальника Управления военной контрразведки ФСБ генерал-полковника А. Молякова, активизировались различные политические организации с целью проникновения в воинские коллективы для того, чтобы в

дальнейшем попытаться использовать армию в своих целях. Речь, в первую очередь, шла о генерале Л. Я. Рохлине. В июне 1997 г. Лев Рохлин, герой чеченской войны, командующий 8-м Гвардейским армейским корпусом, выступил с резонансным обращением к Президенту, в котором обвинил Верховного главнокомандующего в «сдаче» своей армии ^[15]. Генерал предложил провести в каждой части офицерские собрания, чтобы выработать законные требования и направить их Президенту и правительству. Вскоре Рохлин организовал «Движение в поддержку армии», целью которого стало отстранение от власти Ельцина посредством организации массовых акций протеста, в том числе с участием военнослужащих. Однако, по словам А. Молякова, подчиненные которого плотно «сопровождали» все мероприятия мятежного генерала, военная контрразведка в целом владеет обстановкой в армии, а также в других силовых структурах (Коротченко И. *Военная контрразведка не допустит вооруженного мятежа* // *Независимая газета*. 1997. 19 июля).

«Политический феномен» танкиста И. Беляева

Предпринятые правительством меры, направленные на оптимизацию оборонных расходов, не дали ожидаемых результатов. К августу 1998 г. задолженность правительства перед силовыми структурами составляла 50 млрд (деноминированных) руб. Причем львиная доля этих средств (около 40 млрд руб.) приходилась на Минобороны РФ (Соловьев В., Шабуркин А. *Вооруженные Силы России вновь сидят без денег* // *Независимая газета*. 1998. 18 августа; Карпенко В. *Агитаторы рвутся в казармы* // *Московские новости*. 1998. 27 сентября–4 октября; Корбут А. *Осенняя активность войск* // *Независимая газета*. 1998. 2 сентября; Хохлов А. *Пойдут ли танки штурмовать банки?* // *Новые известия*. 1998. 10 сентября). На фоне столь безрадостной картины произошел инцидент, который был воспринят едва ли не как пролог вооруженного выступления военных. 21 июля 1998 г. офицер Мулинского гарнизона (Нижегородская обл.), майор Игорь Беляев, прошедший Чечню и имевший боевые награды, самовольно вывел за пределы воинской части танк (Т-80Б) и совершил на нем марш-бросок в ближайший поселок, где символически припарковал свою боевую машину рядом с постаментом Великой Победы в виде танка Т-34. Офицер потребовал немедленно погасить задолженность по денежному содержанию за три месяца.

Примечательно, но похожий инцидент случился летом 1995 г. на Уралвагонзаводе, где водитель-испытатель с 20-летним стажем В. Тронин, доведенный до отчаянья хроническим безденежьем, проломив заводские ворота, угнал с завода новый танк и прокатился на нем по центральному проспекту Нижнего Тагила. И хотя в случае с майором Беляевым обошлось без порчи казенного имущества, а его танк давно использовался как тягач, а потому не имел боекомплекта, сам офицер, будучи дежурным по парку военной техники, имел при себе оружие. «Танковый пикет» майора Беляева быстро перерос в стихийный митинг, на котором присутствовало не менее 500 чел. Граждане, также месяцами не получавшие зарплату, соорудили импровизированные плакаты: «Народ и армия едины!», «Выдайте наши деньги!» Толпа обступила мятежный танк, не позволив командованию отбуксировать «беглеца» обратно в часть. Позже местное телевидение провело телефонный опрос, который показал: более 80 % из тысячи дозвонившихся поддержали акцию танкиста Беляева (Коновалов А. *Шахрай, Черномырдин и танкист Беляев* // *Независимая газета*. 1998. 8 августа; Коротченко И. *ФСБ в ожидании кадровых потрясений* // *Независимая газета*. 1998. 1 августа; Добрынина С. *Пора испытателю Тронину снова танк выгонять* // *НГ-регионы*. 1998. № 13; Усманов И. *Митингующий танк* // *Советская Россия*. 1998. 28 июля; // Мухин В. *Танк вышел на митинг* // *Независимая газета*. 1998. 24 июля).

Отчаянный поступок майора И. Беляева означал, что ситуация подошла к той опасной черте, когда армия может без приказа покинуть казармы. И хотя известная акция (как и прочие, но менее радикальные выступления) являлась грубым нарушением закона, власть не решилась наказать нарушителя, а предпочла действовать методом уговоров, т. к. сама, месяцами задерживая законные выплаты, давно действовала вне правового поля. Это прекрасно понимала левая оппозиция, когда осенью 1998 г., перед очередной Всероссийской акцией протеста, обратилась к министру обороны И. Д. Сергееву с грозным предостережением: «Не вздумайте не только стрелять, но даже выводить танки и вооруженных солдат против своего народа! Сегодня не 1993 год... И если будет хоть один выстрел..., народ сметет всех, и вас тоже» (*Предупреждение // Советская Россия. 1998. 24 сентября*).

Военный переворот в России 1990-х: proetcontra

В связи с вышеописанными событиями возникал вопрос: сможет ли Кремль вновь рассчитывать на поддержку армии, если протестные акции приобретут массовый радикальный характер? Некоторые обозреватели были настроены весьма скептически. «В 1993 году в России удалось отыскать четыре танка..., чтобы расстрелять Белый Дом. Сейчас армия, которую кормят собачьими консервами, не даст президенту и трехлинейной винтовки для предотвращения "путча"», – писала пресса в те дни (*Кошкарёва Т., Нарзикулов Р. Борис Ельцин признал существование в России планов захвата власти // Независимая газета. 1998. 11 июля*). В июле 1998 г., за полтора месяца до дефолта, когда казалось, что положение в стране скоро достигнет «точки кипения», а бастующие шахтеры, объявившие у себя в регионах «рельсовую войну», добрались до Москвы и «осадили» Дом Правительства (где их «обхаживал» генерал Лев Рохлин, обещая поддержку военных), в СМИ появились слухи о якобы готовящемся антипрезидентском перевороте (*Аграновский Д. Лев Рохлин с шахтерами на Горбатом мосту: «Ваша роль крайне важна» // Советская Россия. 1998. 11 июля; Кремль спокоен? // Независимая газета. 1998. 8 июля*). Однако Ельцин дезавуировал подобные инсинуации. «У нас достаточно сил, чтобы пресечь любые планы захвата власти...», – заявил Президент 10 июля 1998 г. во время встречи с руководителями силовых структур (эта фраза была сказана уже после загадочного убийства Льва Рохлина) (*Кошкарёва Т., Нарзикулов Р. Борис Ельцин признал существование в России планов захвата власти // Независимая газета. 1998. 11 июля*).

Действительно, несмотря на крайне непростую ситуацию, сложившуюся в частях и соединениях, в Генштабе едва допускали возможность масштабного военного мятежа (*Суриков А. Армия не пойдет за КПРФ // Правда Пять. 1997. 27 февралѣ*). Этому препятствовал целый ряд факторов. Во-первых, у главы государства действительно доставало сил и решимости, чтобы предотвратить, а в случае необходимости – подавить бунт в отдельных гарнизонах. Во-вторых, стихийные и разрозненные протесты, которые имели место в армии во второй половине 1990-х гг., едва ли могли перерасти в масштабный и скоординированный вооруженный мятеж, т.к. среди военных отсутствовала консолидирующая сила, охватывавшая всю военную организацию [\[16, с. 103\]](#). В-третьих, со времен восстания декабристов политические заговоры офицеров не являлись частью российских воинских традиций (даже августовский путч 1991 г. или июньское выступление 2023 г. едва ли можно назвать сугубо военным, т. е. армейским мятежом). В советские годы Вооруженные силы были всецело подчинены партийно-политическому руководству, а менталитет военных не сильно отличался от менталитета обычных госслужащих, в задачи которых не входила организация путчей [\[17, с. 48\]](#).

Кроме того, у российских военных отсутствовали собственные политические цели. Захватив власть, но не имея опыта государственного управления и не располагая конструктивной антикризисной программой, генералам неминуемо пришлось бы обращаться к «гражданским», столь презируемым армейской корпорацией (тот же Лев Рохлин собирался делать ставку на Юрия Лужкова как на потенциального кандидата в Президенты). Наконец, нельзя забывать о том, что накопившееся в армии недовольство сдерживалось жесткой армейской дисциплиной, а также ответственностью «людей в погонах», понимавших, что армия, будучи последним оплотом спокойствия и безопасности, не вправе развязывать гражданскую войну [\[14, с. 19\]](#).

Любопытно, но данные соцопросов, обнародованные, правда, в прокоммунистических СМИ, свидетельствовали о том, что народ был настроен по отношению к гипотетическому выступлению военной оппозиции в целом весьма благосклонно. Так, 18 % заявили, что солдаты и офицеры, вставшие с оружием в руках против тогдашней власти, заслуживают уважения. Еще 12 % были готовы оказать мятежникам посильную моральную, материальную и политическую поддержку, а 11 % даже изъявляли желание присоединиться к восставшим. Не одобряли военный мятеж 27 % опрошенных, которые в то же время не стали бы осуждать солдат и офицеров, доведенных руководством страны до крайней стадии. И только 7 % были готовы оказать властям помощь в нейтрализации подобного инцидента, причем лишь 1 % «ультралоялистов» выразил желание добровольно встать в ряды правительственных войск. (*Васильцов С., Обухов С. Если за шахтерами последуют военные? // Советская Россия. 1998. 16 июля*). Таким образом, более 40 % опрошенных были готовы в той или иной степени поддержать военных, выступивших с оружием в руках против законной власти, которая, имея под собой такой объем горючего материала, должна была действовать крайне осмотрительно.

Операция «преемник»: военно-политический фактор

Безусловно, кризис российских Вооруженных сил во многом повлиял на решение Ельцина при выборе преемника. Как писала пресса в те дни: «Предотвратить гражданскую войну в стране сможет только политик, которому поверит армия. Армия сегодня ждет не только денег. В первую очередь она ждет вожда» (*Хохлов А. Пойдут ли танки штурмовать банки? // Новые известия. 1998. 10 сентября*). Именно 25 июля 1998 г., в условиях крайне неспокойной внутривластной обстановки, Ельцин поставил во главе ФСБ В. В. Путина. Разумеется, это кадровое решение могло быть простым совпадением, однако ровно через год, 9 августа 1999 г., когда боевики Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан, Президент назвал Путина своим преемником, со временем передав ему бразды военно-политического руководства контртеррористической операцией в Чечне. За этими решениями скрывался немалый риск, т. к. было непонятно, как армия, измученная бесконечными проблемами и военной реформой, воспримет ельцинского выдвиженца. Однако эти опасения оказались напрасными.

Так, в разгар военной кампании, когда боевые действия из освобожденного Дагестана уже были перенесены вглубь Чечни, некоторые влиятельные круги, выражая обеспокоенность внезапными успехами российской армии, говорили о необходимости «притормозить» наступление федеральных сил. Однако в начале ноября 1999 г. во время встречи премьер-министра с командованием объединенной группировки, В. А. Шаманов, один из наиболее решительных генералов на «северокавказском направлении», заявил, что готов идти с Путиным до конца и даже пообещал «сорвать с себя погоны» в случае, если Кремль отдаст приказ приостановить боевые действия (*Бовт Г. Как сплести заговор против премьера // Сегодня. 1999. 10 ноября; Одноколенко О.*

Генералы премьера не сдадут // Сегодня. 1999. 13 ноября).

Эта фраза, сказанная в присутствии главы Администрации Президента А. С. Волошина, означала: все попытки остановить операцию в Чечне (а заодно — поменять преемника) едва ли найдет понимание у 100-тысячной армейской группировки, сражающейся в Чечне. Подтверждением тому стали результаты голосования на выборах 1999 г., когда *путинское* «Единство» получило среди солдат и офицеров вдвое больше голосов, нежели КПРФ (этот факт с сожалением были вынуждены признать даже коммунисты) [\[18, с. 186\]](#), (Кутузов В. *Армию атакует власть // Советская Россия. 2000. 13 января*). Конечно, в том, что армия наконец-таки поверила власти, была заслуга не только одного Путина, но и его предшественников. Так, антикризисный кабинет Е. М. Примакова сумел не только развязаться с порочной практикой неплатежей, но и увеличить оборонный бюджет почти на 12 млрд руб. (Федеральный закон РФ от 22 февраля 1999 г. № 36-ФЗ «О Федеральном бюджете на 1999 г.» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1093). Когда в 1999 г. обозначились первые признаки экономического роста, курс на стабилизацию продолжило правительство С. В. Степашина. Таким образом, на исходе 1990-х каждый премьер-министр решал свои специфические задачи, постепенно вытаскивая страну и армию из пучины затянувшегося кризиса

Заключение

После падения однопартийного коммунистического режима российский законодатель, чтобы оградить военнослужащих от влияния конкурирующих партий и, одновременно, не допустить доминирования в армии какой-либо альтернативной политической силы предусмотрел проведение в ВС институциональной и кадровой департизации. Однако в новых условиях эта стратегия во многом утратила актуальность, т. к. новоявленные партии не обладали и сотой долей той власти и влияния, которая была у КПСС. Кроме того, после 1991 г. социологические опросы фиксировали аполитичность военных, уставших от многолетнего давления политорганов. Политизация офицерских собраний, стихийно возникавших в армии в первые постсоветские годы на волне общей демократизации общественной жизни, со временем была нивелирована командованием. Что касается парламентских партий, то их лидеры, хотя и претендовали на голоса военного электората, не предпринимали активных попыток незаконного проникновения в армейскую среду.

«Советско-российская» армия в 1990-е гг., как и прочие рудименты прежней системы (сверхмонополизированная экономика, советская власть), нуждалась в серьезном реформировании. Однако в условиях тяжелого трансформационного кризиса, правительству не хватало средств даже на элементарное содержание значительного воинского контингента и гипертрофированного ВПК, не говоря уже о том, чтобы осуществить военную реформу, суть которой во многом свелась к сокращению Вооруженных сил. В этой ситуации сотни тысяч солдат и офицеров, а также членов их семей были заняты проблемой выживания. Во второй половине 1990-х гг. на фоне хронического недофинансирования в армии имели место случаи стихийного протеста кадровых офицеров. Однако эти акции носили спонтанный и разрозненный характер, а потому не представляли серьезной угрозы с точки зрения перерастания в масштабный военный мятеж. Высшее командование, понимая, что ситуация находится «на грани», старалось действовать максимально корректно, точечно удовлетворяя законные требования доведенных до отчаяния военнослужащих. В числе прочих факторов, сдерживавших бунт в частях и соединениях, можно назвать отсутствие у военных самостоятельного политического мышления и конструктивной программы, жесткую

армейскую дисциплину, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения масштабного протеста.

Тем не менее, в случае длительного отсутствия позитивной динамики в области военного строительства или же дальнейшего ухудшения и без того тяжелой ситуации, от военных (впрочем, как и от представителей других социальных категорий) можно было ожидать любых действий. В конце 1990-х гг., после длительного упадка, наметились первые признаки укрепления российской государственности и возрождения Вооруженных сил. Эти тенденции чутко уловил «человек с ружьем», измученный «пятилетками» либеральных реформ, но теперь, после всех соблазнов, которые сулили коммунисты и жириновцы, вновь обретал веру в государство, олицетворявшее «партию власти».

Библиография

1. Гольц А. Военная реформа и российский милитаризм. СПб.: Время, 2019.
2. Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. Синдбад, 2021.
3. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: Corpus, АСТ, 2016.
4. Родачин В.М. Армия и политическая власть // Военная мысль. 1993. № 5. С. 12-19.
5. Серебрянников В. Армия и политика // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 64-73.
6. Волгин Е.И. 2023 Российская армия в электоральных баталиях 1993–1999 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3. С. 705-720.
7. Баранец В.Н. Ельцин и его генералы: Записки полковника Генштаба. М., 1998.
8. Волгин Е.И. Проблема деполитизации Вооруженных Сил и правоохранительных органов СССР и РСФСР – РФ в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 2. С. 113-134.
9. Ипполитов Г.М. Строительство политических органов Вооруженных сил Советского государства: генезис и эволюция (опыт краткого исторического обзора) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Исторические науки. Т. 1. № 1. С. 92-98.
10. Зорин О.Л., Корякин В.М. Краткий историко-правовой анализ становления и развития военно-политических органов Вооруженных Сил // Военное право. 2020. № 4. С. 44-56.
11. Балашов А.И. Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 148-177.
12. Чертополох А.А., Дудин П.В. Эволюция системы подготовки военно-политических кадров в Вооруженных Силах России // Вестник адъюнкта. 2019. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42637873_69457681.pdf.
13. Соловьев С.С. Российские офицеры: опора государства или источник нестабильности // Социс. 1997. № 5. С. 26-34.
14. Серебрянников В. Армия: социальные аспекты // Свободная мысль. 1997. № 5. С. 13-25.
15. Волгин Е.И. Генерал Л. Рохлин и феномен «военной оппозиции» 1990-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2023. № 1. С. 36-52 // URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1234/1173>. doi: 10.18384/2224-0209-2023-1-1234.
16. Мирский Г. Армия в российской политике // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 101-105. doi: 10.20542/0131-2227-1997-3-101-105.
17. Травин Д.Я. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016.

18. Волгин Е.И. «Партия Кремля» в ходе парламентских выборов 1999 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 4. С. 167-193.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – проблема деполитизации российской армии в период кризиса 1990-х годов.

Методология исследования базируется на принципах научности, системности, историзма. При работе над статьей автор применил исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы.

Актуальность темы. Обороноспособность страны зависит от финансового обеспечения армии и ее боевого духа. В 1990-е годы армия столкнулась с серьезными проблемами, обусловленными кризисом в экономике страны и социальными проблемами, что затронула и военных. Кроме того, трансформационные процессы в стране отразились на армии, которая проходила период модернизации. Изучение состояния армии в 1990-е годы представляет значительный интерес и в современный период, обусловленный новыми вызовами в геополитическом плане.

Научная новизна работы обусловлена постановкой проблемы и задач исследования. Новизна также определяется тем, что работа подготовлена на широком круге разнообразных источников.

Стиль, структура, содержание Стиль работы в целом научный, с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели статьи и задач. Во введении работы показана актуальность статьи и обозначена цель, а также раскрыты методы исследования. Автор отмечает, что цель работы заключается в изучении проблемы «деполитизации Вооруженных сил, пребывавших в крайне тяжелом положении, что в условиях перманентного кризиса 1990-х гг.». Основная часть работы состоит из следующих разделов: Деполитизация российской армии: политико-правые аспекты; «Люди в погонах»: ресурс оппозиции или армия аполитичных?; Всеармейское офицерское собрание: армия выходит из-под контроля?; Проблема сохранения лояльности Вооруженных сил в условиях политического кризиса 1993 г.; ГЛАВПУР умер... Да здравствует ГУВР!; Армия на грани социального взрыва; «Политический феномен» танкиста И. Беляева; Военный переворот в России 1990-х: pro et contra; Операция «преемник»: военно-политический фактор. Название разделов соответствуют их содержанию и показывают какие интересные и важные вопросы получили освещение в статье. Автору удалось показать какие ошибки были допущены в 1990-е годы и позитивный разворот в отношении армии после того как возглавил Кабинет Министров Е.М. Примаков и раскрыть другие факторы, способствовавшие позитивным переменам в стране. В заключении автор делает обоснованные выводы. В статье отмечается, что экономический кризис в стране вызвал одиночные выступления в армии, а в числе факторов, сдерживавших бунт в частях и соединениях, была аполитичность большинства военных, отсутствие у них самостоятельного политического мышления и конструктивной программы, сохранение жесткой армейской дисциплины, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения масштабного протеста. Вместе с тем, резюмирует автор, «в случае длительного отсутствия позитивной динамики в области военного строительства или же дальнейшего ухудшения и без того тяжелой ситуации, от военных (впрочем, как и от представителей других социальных категорий) можно было ожидать любых действий». Наметившиеся в конце 1990-х годов первые признаки укрепления

российской государственности и возрождения Вооруженных сил способствовали тому, что военные «обретали веру в государство, олицетворявшее «партию власти».

Библиография работы состоит из широкого круга источников и литературы по теме исследования и смежным темам. Библиография в основном состоит из статей и фундаментальных работ, подготовленных в последние годы, две работы датируются 1997 г. и одна 1992 г. Библиография представлена на достойном уровне и тема статьи полностью раскрыта.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне полученной в ходе работы над статей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа подготовлена на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.